

МИЛА ДРИМ

ЗАПРЕТНАЯ ЖЕНЩИНА

Мила Дрим

Запретная женщина

«Издательские решения»

Дрим М.

Запретная женщина / М. Дрим — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966177-7

Быть самой красивой и желанной женщиной, но не иметь столь важного — любви своего мужа — это ли не проклятие? Она — красива, одинока и замужем. Он — жесток, привлекателен и несет войну. Приехав к другу детства, он знакомится с его женой — прекрасной, манящей и столь желанной красавицей. Но для него она — запретная женщина... Ведь она — жена его друга.

ISBN 978-5-44-966177-7

© Дрим М.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	11
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	15
ГЛАВА ПЯТАЯ	17
ГЛАВА ШЕСТАЯ	20
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	22
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	25
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Запретная женщина

Мила Дрим

© Мила Дрим, 2019

ISBN 978-5-4496-6177-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все герои и события являются вымыслом автора, все совпадения случайны.

Первые годы раннего средневековья, юго-западные земли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рассветные лучи скользили по каменному подоконнику, вырисовывая на нем причудливые, блестящие узоры и окрашивая мрамор в розовый цвет. Окно, распахнутое настежь, впускало в спальню прохладный аромат уходящей ночи. Она пахла цветами, песком и травой. Она пахла так же одиночеством и грустью.

Все было тихо в роскошном доме – все слуги мирно спали, и их хозяин тоже. Все, кроме молодой женщины. Она, свернувшись калачиком под воздушным, блестящим покрывалом, почти беззвучно и горько плакала. Слезы стекали по ее красивому, светлому лицу, оставляя на щеках мокрые дорожки. Шелковая подушка уже была совсем мокрой от них. Гибкое, стройное тело сотрясалось от рыданий и дрожи, вызванных нахлынувшими, приходящими часто ночью, переживаниями. Почти каждую ночь повторялось одно и то же – слезы, тихий плач и накатывающее одиночество, разъедающее душу.

Она была несчастна и нелюбима. Прекрасная молодая женщина, внешности которой позавидовали бы многие, была самой несчастной среди обитателей этого большого, богатого дома. Любой, кто бы узнал ее судьбу на самом деле, ни за что бы не захотел поменяться с ней местами. Слишком дорогая бы плата вышла за это, цена ее – одиночество, уныние и, проходящие, впустую, года, без единого намека на надежду.

Ее звали странным, но очень подходящим для нее именем – Дивина, что означало – «от небес». И это соответствовало ей. Она была ошеломляюще красивой – нежное личико с выразительными чертами – мягкими, плавными, без какого-либо намека на изъян или грубость, с глазами редкого, удивительного цвета – они были темно-зелеными, обрамленными черными, чуть изогнутыми ресницами, с прямым, узким носиком, с пухлыми, сочными губами светлого кораллового оттенка – все в ней было привлекательно, гармонично и прекрасно. Женщина была обладательницей роскошных, золотистых волос, которые были невероятно шелковистыми на ощупь и блестели, когда лучи солнца падали на них – и, казалось, Дивина вся была окружена сиянием от этого, подобно сказочному видению из волшебных грёз.

Помимо этого, под стать ее внешности, была и ее душа – чистая, красивая, неповторимая. Каждый, кто имел возможность общаться с Дивиной, был очарован ее простотой и добротой. Красавица никогда не помыкала слугами, не ходила по дому, преисполненная высокомерия, коим часто пользовались люди ее статуса. Нет. Дивина была скромна, нетребовательна, тиха и нежна. Она была прекрасна всем и для всех.

Для всех. Кроме ее собственного красавца – мужа. Он избегал ее. И, вероятно, не любил. Однако и не отпускал. Молодая женщина лишь однажды осмелилась просить его об этом, и ответ, полученный от Мариуса – непреклонный, зловещий, заставил забыть ее о своей просьбе. Их брак был несчастлив. Но кто мог предугадать, что случится именно так?

Разве могли родители Дивины отказать Мариусу – знатному сыну своих богатых родителей в том, чтобы их младшая дочь, нежное, ласковое, ранимое дитя, стала его супругой? Ведь впереди ее ожидало более высокое положение, покровительство сильного, более просторный дом, и другие многочисленные блага... Каждый любящий родитель желает своему дитя более лучшей жизни, чем он проживал сам. И родители Дивины не были исключением.

Дивина же была слишком ошеломлена таким предложением от мужчины, который был старше ее на целых десять лет – в ту пору ей только исполнилось семнадцать... Мариус показался ей могучим, сильным и прекрасным принцем. Он увидел ее случайно, на рынке, где девушка выбирала яблоки, мужчина словно окаменел, любясь ей, столь прекрасна была девушка. На следующий день, узнав, где она живет, Мариус приехал просить ее руки.

Красивый, богато одетый, верхом на черном, породистом коне и в сопровождении отряда своих воинов, он прибыл с благими намерениями и сундуками, доверху наполненными подар-

ками. Разве могли родители ему отказать? Они согласились. А Дивина не верила, что такой мужчина обратил на нее внимание. Она не считала себя красавицей, и предложение Мариуса показалось ей подарком Свыше. На следующий день он забрал девушку у родителей, увез ее из селения и привез на свои юго-западные земли. Тогда, Дивине казалось, что ее жизнь превращается в сказку.

С тех счастливых, но столь малочисленных дней, прошло уже шесть лет. Шесть долгих, одиноких лет...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дивина, поблагодарив, отпустила служанку и окинула свое прекрасное отражение в высоком зеркале, заключенным в массивную золотую оправу, безразличным взглядом – она не замечала собственной красоты, а просто отметила должным образом ли на ней сидит платье. Все было так, как надо: темно-зеленый шелк, покрытый таким же цветом кружевом, смотрелся роскошно и достойно на Дивине. Платье подчеркивало стройную фигуру, открывало взору обнаженную шею, слегка обтягивало грудь, и волнами спадало до самых ступней. Это было требованием мужа – чтобы его жена выходила из комнаты в своих самых лучших нарядах и украшениях.

Мариус требовал это не для того, чтобы полюбоваться самому. Нет, его красивая жена, словно породистая лошадка, или даже красивое произведение искусства, как статуи, например, что стояли в его саду, должна была радовать глаз его гостей, вызывать восхищение, зависть и желание. Они должны были желать ее.

Дивина подошла к двери и, только протянув руку, обратила внимание, что не надела на запястья браслеты. Пришлось вернуться к блестящим сундучкам, стоявшим на столике, и выбрать пару роскошных браслетов. Молодая женщина даже не обратила внимание на их красоту. Ей было все равно. Она спешно нацепила украшения и покинула комнату.

Дивина спустилась вниз. Весь первый этаж утопал в солнечном свете и роскоши – полы из серого мрамора, начищенные до блеска, были невероятно красивыми и скользкими. Молодая женщина помнила об этом, ступая на них ногами, обутыми в кожаные сандалии. Она шла мелкими шажками, памятуя о многочисленных болезненных падениях здесь. Несколько раз она упала тут в первый месяц замужества, в последующие годы так же не обходилось без падений. В конце концов, Дивина осознала – это место не для того, чтобы торопиться, а для того, чтобы царственно шествовать здесь – как делал обычно ее муж. Все свои девичьи привычки – громкий смех, торопливый шаг, иногда переходящий в бег и многое другое – красавица теперь должна была забыть и соответствовать супругу. А он обожал роскошь и старался соответствовать ей – в одежде ли, в украшениях, в словах или даже поступки – все должно было заявлять о том, что Мариус – обладатель этого богатства.

Молодая женщина оказалась в просторной комнате, кричащей о своей роскоши – богатая лепнина украшала высокий потолок, пол из розоватого мрамора был устлан персидским ковром, за овальным столом, на котором в изобилие было много различных блюд, восседал ее муж и его приближенные.

– Дивина, – Мариус приподнялся на ноги, и двое мужчин тоже.

Она искусственно улыбнулась им в ответ, с содроганием в душе ощущая их сальные, раздевающие ее донага, взгляды. Так было всегда – на протяжении всех этих лет, но Дивина не смогла привыкнуть к такому вниманию. И, что сказать, женщина и не желала привыкать к этому.

– Прошу, – Мариус помог жене сесть на изысканный стул, что был по другую сторону стола от него и мужчин. Молодая женщина опустилась на него, окидывая мужа задумчивым взглядом. Мариус был красив – высокий, широкоплечий. Очень светлые, чуть выющиеся волосы изысканно обрамляли его лицо. Небольшая бородка такого же оттенка, как и волосы Мариуса, глаза – ярко-синие, в тон сапфиру, что украшал фалангу его указательного пальца левой руки. Он был не только привлекателен, но и умел красиво говорить и ухаживать за женщиной. В такого нетрудно было влюбиться. И тогда, будучи молоденькой девчонкой, красавица влюбилась в него.

Но Дивина знала – ее муж не любит ее. А, если все же и любил – то странной, непонятной для нее любовью. И это была достаточно болезненная и одновременно пугающая мысль.

– Милая, – обратился к ней Мариус, когда прислуга разложила по тарелкам сладкие угощения, – это Филипп и Алойз – помнишь, я тебе рассказывал о них?

– Да, – кивнула Дивина головой, прекрасно осознавая, что ее муж ничего не говорил ей о гостях – ведь они практически не общались, а встречались лишь за столом и иногда, совершенно случайно в коридорах дома.

– Они погостят у нас сегодня до вечера.

– Как пожелаете, – отозвалась молодая женщина, испытывая единственное желание сейчас – как можно скорее покинуть эту комнату. Сбежать от этих назойливых глаз. От этих намеков. Улыбок. От этой духоты, пропитанной похотью, ложью и несправедливостью.

Как только завтрак был завершен, Дивина, наконец, смогла вернуться к себе. Она закрыла дверь и выдохнула с облегчением. Каждый раз, когда к Мариусу прибывали гости – а это бывало достаточно часто –, она боялась, что он однажды предложит ей развлечь их наедине... Эта мысль не давала покоя молодой женщине. Ведь, вероятно, ему было все равно на свою жену... К счастью, пока эти страхи не воплощались в реальность, и Дивина была благодарна Создателю за это. До самого вечера молодая женщина просидела в своей комнате, благо ей было чем заняться – она вышивала очередную картину – другие ее красивые работы, украшали дальнюю стену. На них были изображены родные, знакомые сердцу места – луг с ромашками, озеро, а рядом с ним камыши, холмы, покрытые распустившимися синими цветами. Единственное напоминание о месте, где она родилась и выросла. Дивина скучала по ним. Она безмерно скучала по своим родителям и старшим братьям и сестрам. Ах, если бы повернуть время вспять... Но это было не в ее власти...

Молодая женщина, утомившись, устремила свой взгляд в окно – небо стало розовым, от самого верха до зеленых полей и песка пустыни с востока. Близилась очередная ночь. Странное, волнующее ощущение на миг посетило Дивину, заставляя ее почувствовать приближение чего-то судьбоносного в ее жизни. Затем, эти чувства покинули ее, оставляя молодую женщину в волнении.

В комнату постучали. Прекрасное волнение тот час исчезло окончательно. Дивина удивилась – она не ждала никого, и даже своих служанок отпустила пораньше, не желая, чтобы те задерживались допоздна. Мало ли, что в голове гостей? Молодая женщина открыла дверь – к ее удивлению, в покои пожаловал Мариус. Облаченный в синие одежды, благоухающий сладкими ароматами, он тепло улыбнулся жене. Муж не улыбался так давно. Та невольно ответила ему улыбкой.

– Милая жена, – мужчина шагнул в спальню, окидывая комнату оценивающим взглядом. Он даже не помнил, когда был здесь в последний раз. Убранная светлая постель, на столике разложено шитье, букет цветов на подоконнике. В своей спальне Дивина пыталась создавать свой собственный мир – уютный и теплый. – Как мило у тебя...

Дивина тяжело вздохнула – она расслышала безразличные нотки в его голосе. Мариус посмотрел на жену задумчивым взглядом – та стояла совсем близко, ожидая, вероятно, ласки от него или же поцелуя. Мужчина изогнул губы, усмехаясь, и продолжил говорить:

– Так вот, дорогая моя, сегодня вечером, вероятно, ближе к ночи, я ожидаю в гости своего друга. Мы с ним знакомы давно, затем наши пути разошлись. Он несколько раз бывал у нас в гостях, но ты вряд ли его могла видеть – он гостил недолго. Теперь же, наконец, спустя годы, мой друг изъявил желание навестить меня. Поэтому, я хочу, чтобы ты поприветствовала его должным образом и проявила все свое гостеприимство.

– Что ты имеешь в виду под словами «должным образом» и «гостеприимством»? – холодея от неприятных, подкрававшихся мыслей, спросила Дивина.

Мариус благосклонно улыбнулся:

– Всего лишь прояви свое дружелюбие, милая. И, знаешь, я хотел бы, чтобы ты поразила дорогого гостя своими знаниями. Женщина, читающая книги в наше время, да к тому же, красивая женщина – настоящая диковинка. Да, пожалуй, в этот раз я прошу тебя не молчать.

Дивина удивленно вскинула темные брови вверх. Обычно ее муж заставлял ее лишь улыбаться и отделяваться парой незначительных, вежливых фраз. Она была всего лишь красивым фоном, или же роскошным интерьером дома, но не искусной собеседницей. Теперь же он просит ее говорить... Что же за гость к ним едет?

– Как же зовут твоего друга? – поинтересовалась молодая женщина, напрягаясь всем телом. Мариус наклонил к ней свое красивое, ухоженное лицо. Казалось, сейчас он поцелует жену. Но нет. Вместо этого, мужчина аккуратно, словно боясь прикоснуться к женщине, провел ладонью по ее лицу и ответил:

– Хунгур. Мы были с ним с одного племени и учились у одного учителя.

Дивина внутренне вся сжалась, услышав имя гостя. Они еще не были лично знакомы и представлены друг другу. Она видела его всего дважды – в первый год семейной жизни – но хорошо запомнила, что чувствовала рядом с ним. Достаточно было другу мужа глянуть на нее своими черными глазами, как молодая женщина ощущала себя, словно от его взгляда – пронзительного, давящего – в ее душе образовались дыры. Странные, непонятные чувства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Породистый конь темно-гнедой масти, управляемый властной рукой, помчался по каменной дорожке, ведущей к имению. Ехавшие позади воины – двадцать человек – поспешили за своим предводителем, догоняя его.

Казалось, даже земля содрогалась от топота копыт коней, а ночной воздух сотрясался от их несдерживаемого ржания. Они мчались быстро, и вскоре уж были возле изысканных кованых ворот. Стоило только Хунгуру назвать свое имя, как охрана спешно отворила их, впуская гостей. Мужчины, охранявшие имение, с опаской поглядывали на вооруженных до зубов прибывших людей. Помимо этого, гости выглядели настоящими варварами – на них была простая, добротная одежда – кое-где сделанная из кожи и каких-то металлических приспособлений. Их внешний вид разительно отличался от того, как выглядели и во что одевались мужчины на этой земле. Высокие, загорелые, воинственные, немногословные. Одним словом – дикари.

Он сразу заметил ее. Облаченная в искрящиеся золотые шелка, для особой роскоши, украшенные широким золотым поясом, с волосами – распущенными и нанизанным поверх них изящным обручем из золота и жемчуга, она стояла подле его друга детства. Его прекрасная жена – жена Мариуса. Свет десятков факелов, торжественно разоженных повсюду, озарял силуэт молодой женщины, делая ее магически притягательной. Она была необыкновенная. Недосыгаемая. Холодная. Эфемерная и словно сошедшая с небес. Ее красота расцвела еще больше с тех дней, когда воитель видел Дивину в последний раз.

Не только Хунгур смотрел на красавицу, но и его спутники также не могли отвести от нее глаз. Она очаровывала, окутывала своей красотой, пробуждая различные мысли и желания. И большинство из них нельзя было назвать приличными.

Удовлетворенный эффектом, который произвела его жена, Мариус, наконец, отпустил ее ледяную ладонь и шагнул вперед, обнимая друга. Оставшись стоять позади мужа, Дивина ощутила на своем лице цепкий, проникающий намного глубже, чем ему было дозволено, взгляд черных глаз. Она покраснела, и сейчас была рада, что ее кожа была обильно покрыта золотистой пудрой. Молодая женщина не любила пользоваться косметикой, но Мариус настоял – она должна была выглядеть словно «золотая статуэтка».

– Добро пожаловать, мой друг, – поприветствовал хозяин дома, разжимая объятия и делая шаг назад, окидывая внимательным взором гостя. Он не видел Хунгура три года. Тот изменился – возмужал, плечи стали еще более широкими, а лицо – значительно холоднее и отстраненнее.

Гость тоже рассматривал своего друга – казалось, Мариус не изменился – он выглядел все так же молодым, и все с той же улыбкой на светлом лице. Хотя, наверное, некоторые изменения все же произошли с ним – например, теперь Мариус отдавал предпочтения роскошным тканям и богатым украшениям. Что поделать, жизнь на юго-западных землях откладывала свой отпечаток на него...

– Позволь тебе представить мою прекрасную жену, – довольно улыбаясь, начал светловолосый мужчина, – это Дивина.

Дивина окинула быстрым взглядом друга мужа. Как он разительно отличался от Мариуса! Хотя их рост был примерно одинаковым, более ничего не было общим у них. Хунгур был загорелым, с обветренным лицом, покрытым многодневной щетиной. Темные волосы лежали в беспорядке, доходя до шеи. Одежда его была странной – темной и добротной – и не служила украшением.

Черные глаза бесстрастно скользнули по лицу молодой красавицы. Он не разглядывал ее долго, возможно, лишь задержал свой взор на губах чуть дольше, чем нужно было. Чуть

дольше – потому что в его голову сразу же закрался сладкий и опасный вопрос – какие они на вкус, губы стоящей перед ним женщины?

Однако, прекрасно помня, кто эта женщина, Хунгур вышвырнул этот вопрос из своей головы, и переключил свое внимание на друга детства.

– Прощу тебя и твоих друзей в дом, – царственным тоном пригласил Мариус.

Они зашли внутрь. По левую сторону от Мариуса была его жена, по правую Хунгур. Позади, шли все его воины. Они с интересом оглядывали просторные коридоры – роскошные и блестящие, однако их лица так и остались без какого-либо намека на восторг или восхищение убранством.

Они приостановились возле дверей, расписанных золотыми красками.

– Моим людям нужно отдохнуть, Мариус, – произнес Хунгур. Его голос был бархатистый, низкий. Дивина ощутила, как мурашки пробежались по ее спине. Она на миг прикрыла глаза, боясь выдать собственное состояние. Странное тепло окутало ее нежное тело.

– Конечно. Покои для них уже готовятся. Но я думал, они отпразднуют с нами ваш приезд, – улыбаясь, ответил светловолосый мужчина. Мариус обожал, когда вокруг него было много гостей и слушателей его рассказов.

– Это – лишнее, – дрогнули губы Хунгура. Он кивнул головой, стоящим позади него людям, и те направились вслед за подошедшей прислугой в спальные комнаты для гостей, что находились в западном крыле дома.

– Что же, для праздника бывает достаточно и трех людей, – заметил Мариус, распахивая двери в зал.

В комнате было зажжено всего лишь несколько факелов – и все помещение было окутано словно мистическим полумраком. Огромный стол ломился от угощений и напитков. Вокруг него были расставлены стулья и небольшие кушетки – для пущего удобства утомленных гостей. Мариус отпустил слуг и разлил по двум золотым кубкам, украшенным рубинами, вина. Один из них он протянул Хунгуру, другой оставил себе, тут же делая жадный глоток.

– О чем ты хотел поговорить, мой друг? – спросил хозяин дома, располагаясь на одной из кушеток. Его жена разместилась на другой, а Хунгур сел на массивный стул, неподалеку от Мариуса.

Хунгур поднялся на ноги и поставил нетронутый им кубок на стол. Затем сел рядом с другом. Мужчина чуть наклонился к Мариусу и произнес:

– Мы будем говорить при женщине?

Дивина, прекрасно услышавшая, его вопрос, грустно улыбнулась, разглядывая с нарочитым интересом золотой браслет на своем запястье. Она была бы рада сейчас уйти – свою роль молодая женщина уже выполнила – все были впечатлены ее красотой. Ей хотелось поскорее оказаться в своей спальне и, заперев дверь, скинуть с себя эти украшения, смыть краску с лица, освободить голову от золотых тисков обруча. Но, как оказалось, ее муж думал иначе.

– Дивина не помешает нам, – улыбнулся Мариус, – к тому же, она неглупа. Кто знает, может нам понадобятся ее советы?

Хунгур усмехнулся, но не стал озвучивать своих мыслей относительно способностей женского интеллекта. Он не желал оскорбить хозяйку дома. Он вообще не желал думать о ней и замечать ее.

Молодая женщина сдержала свое разочарование – придется задержаться. Мужчины начали приглушенную беседу. Дивине же оставалось лишь слушать их разговор.

Сперва, они вспоминали о своем детстве – какие проказы удалось им совершить, с кем из соседских мальчишек подраться, и какую рыбу довелось им поймать в местной речушке. После – они немного поговорили о своем учителе, каждый высказал о нем слова, полные почтения и благодарности. Наконец, разговор дошел до причины приезда Хунгура.

Когда гость начал поведывать об этом, Дивина вся напряглась. Он говорил о войне. О том, что она неизбежна. Хунгур предлагал Мариусу присоединиться к его войску, мотивируя это тем, что война идет с двух сторон – с северо-востока и юга. Он предостерегал. Его голос – властный, сильный – будоражил притихшую красавицу. Но у Мариуса было свое мнение на видение этой проблемы.

– Хунгур, – светловолосый мужчина снисходительно улыбнулся, – мне кажется, ты преувеличиваешь масштаб этой проблемы. Да, есть небольшие, враждебно настроенные отряды – разбойники. Они периодически нападают на границах, обычно на купцов. Но на меня – не посмеют – я хороший воин, ты знаешь это. Если же они настолько беспечны, то я помогу им лишиться их никчемной жизни.

– Мариус, мы говорим с тобой о разных вещах. Разве можно сравнить горстку людей и многотысячную армию? – голос Хунгура теперь не выражал никаких эмоций.

– Естественно, нет. Но, Хунгур, война – это прошлое время. Это было во времена Македонского, Цезаря. Где они все? Мертвы. Земли завоеваны – все, какие можно было завоевать. Народ живет и трудится, кто-то беднеет, кто-то богатеет. И этого достаточно.

– Отнюдь, – Хунгур окинул мрачным взглядом друга, – не все так благополучно, как ты думаешь. Мир меняется – люди переселяются на другие земли, в поисках лучшего места. И не всегда это происходит дружелюбно. Север уже горит пламенем войны.

– Что же, я думаю, у правителя наших земель хватит сил отбросить врагов куда подальше! – уверенно заявил Мариус.

– Скоро он потеряет свой трон, – негромко заявил Хунгур, – он слишком слаб и изнежен.

С этим Дивина, молча, соглашалась – она видела Константина, правителя юго-западных земель, всего лишь раз. И этого было достаточно, чтобы даже ей, тогда еще молодой девушке, сделать вывод, что он – слишком мягкотел и нарциссичен. Естественно, свои мысли красавица держала при себе. Окруженный многочисленной свитой, всегда празднично одетый и обожающий устраивать роскошные пиршества, Константин проводил все свое время в неге. Он и меч-то, вероятно, ни разу не держал в своих руках. Единственная заслуга правителя была в том, что он был сыном умершего императора, и все его земли теперь перешли к нему.

Разговор мужчин продолжился, но Дивина, пораженная услышанным, и погруженная в собственные мысли, более не слышала его. Несмотря на странные чувства к Хунгуру, она понимала – скорее всего, его слова были правдивы. И, если это так, война была уже не за горами. Молодая женщина мало что знала об этом – лишь по рассказам родителей, перенесших междоусобную войну. И то, что Дивине пришлось услышать – звучало страшно. Боль. Страх. Унижение. Разлука с близкими. Голод и холод. Она знала и еще кое-что – всегда войну разжигали мужчины. Словно не наигравшись в детстве, они продолжали играть, только игрушками их были живые люди из плоти и крови. Люди, у которых были семьи: родители, жены и дети. Смерть одного члена семьи становилась настоящей утратой и горем. А сколько таких потерь принесет очередная война?

– А что думаешь ты? – голос мужа, обращенный к Дивине, нарушил ее невеселые размышления. Та посмотрела на него затуманенным взором. Он взирал на нее, ожидая, вероятно, умный ответ, однако его не было.

– Что именно тебя интересует, Мариус? – произнесла молодая женщина, надеясь найти как можно скорее ответ на его вопрос. Она максимально выпрямила спину и расправила плечи, желая выглядеть уверенной.

– Ох уж эти мечтательные женщины, – светловолосый мужчина демонстративно закатил глаза, – дорогая, нам хотелось бы услышать твое мнение на счет войны.

– Война, – повторила Дивина, и голос ее стал глухим, – война – это всегда смерть и потеря. Несчастнее всего в войнах – дети, женщины и старики. Те, кто пали на поля боя, уже не тоскуют

по своим семьям. В отличие от самих семей. Думаю, всю глубину потери, возможно понять лишь тем, кто остался в живых. Я против войны и тех, кто несет ее.

Воцарилась тишина. Хунгур полуобернулся, окидывая задумчивым взглядом, находившуюся чуть подалее, Дивину. Та встретилась с его взором, но глаз своих не отвела. Пусть не думает, что она испугалась сказанного ей.

– Твоя жена говорит, как и любая другая женщина, – чуть улыбнувшись, начал темноволосый мужчина, – но женщинам невдомек, сколько блага может принести война.

– Мой друг, не ты ли собрался встать под знамена войны? Ты серьезно говорил об этом, не шутил? – чуть насторожился Мариус, наклоняясь вперед и хмурясь.

– А что, если так? – холодно улыбнулся мужчина в ответ. – Сейчас пришло то самое время – когда либо тебя съедят, либо ты сам съешь врагов. Я предпочитаю быть хищником, нежели жертвой.

Дивина вздохнула, вероятно, слишком громко, потому как оба мужчины обратили на нее свои взгляды. Она окаменела, боясь шелохнуться или что-либо произнести.

– Я предлагаю тебе, Мариус, присоединиться ко мне, – глядя прямо на Дивину, произнес Хунгур.

Взгляд его давил, проникал, словно в самую душу. Дивина напряглась еще больше. Если бы она могла, то давно бы исчезла из этой комнаты. Подальше от этих черных глаз. Подальше от странных, волнующих ощущений. Вместо этого молодой женщине пришлось сохранять видимое спокойствие. Лишь ладони Дивины, сжатые сильно, выдавали ее напряжение.

– Давай обсудим это, – резко подскочив на ноги, произнес Мариус, подливая в свой кубок вина.

Их беседа затянулась. Они все говорили и говорили, сначала негромко, а потом – перешли на еле слышный шепот. Дивина, утомленная и напуганная, незаметно для себя заснула.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Она заснула. Его друг был мертвецки пьян и похрапывал, завалившись на кушетке, а его красивая жена, свернувшись клубочком, словно юная дева, сладко посапывала, подложив под щеку ладони. Хунгур склонился над ней, разглядывая ее лицо в надежде найти что-то отталкивающее и несовершенно. Увы, она была почти идеальна. Единственное почти – и самое весомое – Дивина была женой его друга.

– Проснись, – грубо произнес Хунгур и женщина, услышав его грозный голос, испуганно подпрыгнула, пробуждаясь.

– Что случилось? – прошептала она, и, испугавшись близости мужчины, возвышавшегося над ней, отпрянула назад.

– Твой муж пьян. Покажи вашу спальню. Не оставлять же его здесь, – Хунгур смотрел на нее хмурым взглядом. Губы его были поджаты, а крепкие руки уперлись в бедра.

– Хорошо, – Дивина поднялась на слабые ноги и спешно разгладила платье, словно опасаясь, что гость заметит несовершенства на ней. Она посмотрела чуть подальше – Мариус, запрокинув светлую голову, бесстыдно громко храпел. Сколько же нужно было выпить, чтобы быть в таком состоянии?

– Идемте, – позвала Дивина, тихо выходя из зала и придерживая двери.

Хунгур, как игрушку, взвалил друга на плечо и последовал за молодой женщиной. Она торопливо поднялась на второй этаж. Мужчина, следовавший за ней, залюбовался ее силуэтом – гибким, с приятными и нужными округлостями, и пленительная мысль о том, что она могла бы вот так звать его провести с ней ночь, отозвалась возбуждением во всем теле. Хунгур с силой сжал челюсти, раздражаясь на собственные размышления и реакцию тела.

На втором этаже царила полутьма. Лишь несколько факелов рассевали ее, делая все очертания вокруг размытыми и причудливыми. Пока Дивина шла по коридору, она почти болезненно ощущала взгляд Хунгура на себе. Его взгляд был тяжелым и столь горячим, что кожа молодой женщины начала покалывать. От этого движения ее стали торопливыми и резкими. Ей было не по себе. А еще, она не знала точно, где находится спальня ее мужа. Пришлось рассуждать логически. Женщина точно знала – комната Мариуса находилась в противоположном крыле дома – южном.

Она шла по коридору, понимая, что идет здесь впервые за все шесть лет. К счастью, интуиция не подвела Дивину, она распахнула дверь – и глазам предстала хозяйская спальня. Роскошная, из темно-красного шелка, который был, казалось, повсюду – покрывало и подушки на кровати, шторы, балдахин и даже обивка кресел так же были сделаны из него. Высокие столбы по двум сторонам кровати были позолочены и украшены кровавыми рубинами.

Хунгур опустил Мариуса на кровать. Дивина замерла у самого порога, боясь шевельнуться и размышляя, когда ей лучше удалиться к себе в комнату – сейчас или чуть позже. Она подвинулась в сторону, избегая смотреть на темноволосого мужчину, когда тот приблизился к двери, намереваясь уйти. Он пугал ее. От него исходила странная энергия. Энергия власти, силы и опасности.

– Спасибо, – глухо произнесла молодая женщина, когда Хунгур взялся за дверную ручку. Голос ее дрожал, и воин заметил это, но ничего не сказал. Мужчина кивнул головой и, наконец, вышел из спальни, плотно прикрывая за собой дверь.

Дивина облегченно выдохнула и шагнула вперед, намереваясь подождать некоторое время тут, а затем вернуться в свою комнату. Она бросила через плечо обеспокоенный взгляд на мужа, опасаясь его реакции на ее присутствие в хозяйской спальне, но мужчина продолжал храпеть. Молодая женщина сделала пару шагов к окну, и тут ее внимание привлекла маленькая статуэтка, стоявшая рядом с огромным, во всю стену, зеркалом.

Сделанная из чистого золота, статуэтка изображала очень красивую, молодую женщину. Волосы ее струились до самых бедер, изгибы тела были плавными и женственными, ноги – длинными и стройными, ну а лицо было настоящим произведением искусства. Она была прекрасна. Дивина залюбовалась ей, прежде чем осознать, на кого похожа эта статуэтка. Лунный свет, прокравшись сквозь окна, помог молодой женщине увидеть правду. Эта статуэтка была ее уменьшенной копией...

Дивина ощутила смятение и горечь, разливающуюся по горлу. Она отпрянула от статуэтки, словно от чего-то заразного и грязного. Что это могло значить? Мариус ни разу за все эти шесть лет не позвал ее в свою спальню, однако хранил ее изображение, сделанное из золота... хранил и, судя по всему, берег.

Молодая женщина спешно покинула комнату, сдерживая внутри себя слезы. Еще не время плакать. Сперва, нужно оказаться в безопасном месте, и лишь затем позволить себе побыть немного настоящей – со слезами, с хлюпающим, покрасневшим носом, с трясущимися руками и растрепанными волосами. Это было ее настоящей и единственной роскошью – возможность побыть собой, выплеснуть из себя боль и отчаяние. Перестать хоть на короткое время быть идеальной куклой. Перестать бояться, что ее осудят, окинут разочарованным взглядом, с укором заявляя, насколько она неидеальна.

Дивина почти дошла до своей спальни, когда ее внимание привлекла тень, которая, казалось, выступила из дальнего окна. Этой тенью оказался тот, кого меньше всего сейчас женщина хотела видеть. Прежде, чем увидеть мужчину, она ощутила его каждой клеточкой своего тела. Она ощутил его аромат – терпкий, горьковато-сладкий. Он окутывал и расслаблял.

– Дивина? – голос Хунгура звучал негромко и источал едва уловимую опасность. – Что заставило вас покинуть спальню и мужа? Ему стало плохо от вина? Он всегда так напивается?

Она молчала, пытаясь собрать в голове по кусочкам подходящий, не компрометирующий ее ответ. Увы, ничего достойного для этого не шло ей на ум. Женщина вздохнула и произнесла:

– Мариус напивается так изредка. С ним все в порядке. Я шла в свою комнату. Надеюсь, вы удобно разместились? Тогда желаю вам добрых снов и прошу прощения, я тороплюсь.

Не давая гостю ответить, Дивина сделала пару шагов и, открыв дверь в свою спальню, скрылась там, не забыв запереть замочек.

Женщина прижалась спиной к двери, дыша прерывисто и шумно. Она пыталась успокоить свое бешеностучающее сердце. Всего пару слов с Хунгуром – и ее трясло от страха и других, непонятных чувств. Скорее бы он покинул их. Скорее бы уехал, забрав ее беспокойство с собой.

Хунгур задумчивым взглядом окинул закрывшуюся неподалеку дверь. Звук дверного замка прозвучал довольно громко в возникшей тишине. Воин был удивлен, но не обескуражен. Мало ли какие порядки в семье его друга. Мужчину это мало интересовало. Он проществовал в свою просторную комнату и, разместившись на широкой кровати, погрузился в сон. Ему снился золотистый женский силуэт...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хунгур проснулся на рассвете – полным сил и энергии. Он тут же поднялся на ноги. Лежать в кровати после сна мужчина считал женским делом, никак не мужским. Его тело нуждалось в тренировке, в движении. Воин некоторое время поупражнялся в «бое с тенью». В его голове, полной идей и целей, выстраивался план грядущего дня. Сполоснув голову прохладной водой из кувшина, Хунгур наспех вытерся.

Мужчина, желая впустить в легкие свежий воздух, вышел на балкон. Вид отсюда был красивый – с востока простирались первые пески начинающейся пустыни, с севера – зеленые луга, освещенные оранжевыми лучами восходящего солнца. Неудивительно, что Мариус поселился на этих землях. Небо стало стремительно светлеть, превращаясь из темно-серого в светло-голубое. Лучи солнца заскользили по крышам построек, что были во внутреннем дворе. Новый день наступил.

Внимание мужчины привлекла золотистая головка, склонившаяся над чем-то. Хунгур, прислонившись плечом к белоснежной колонне, посмотрел на дальний балкон. Вскоре, он лицезрел нежную картину. Дивина, одетая в просторную ночную сорочку, с протянутыми руками, кормила птичек. Те садились к ней на раскрытые ладони, наполненные зерном и хлебными крошками, и смело, без какой-либо опаски, поглощали лакомство, при этом успевая еще чирикать.

Молодая женщина, вероятно, улыбалась – по крайней мере, Хунгuru так показалось. А еще, она что-то говорила птичкам. Слова сложились в стихи, нет, Дивина пела им что-то про родной край и свободу. Голос ее был мелодичным, женственным. Даже он был у нее красивым. Вероятно, так поют сирены, заманивая несчастных моряков. А потом с аппетитом пожирают их. Вот какое сравнение пришло в пылливый ум Хунгура. Он заставил себя вернуться в комнату, дабы даже не думать о прекрасной женщине.

Дивина, слишком погруженная в собственные мысли и воспоминания о доме, даже не заметила, что за ней наблюдали. Она с радостью накормила пташек, а затем, немного полюбавшись рассветом, вернулась в спальню. Там ее уже ожидали пришедшие служанки – одна из них занялась утренним туалетом госпожи, принесла теплую воду и ароматное мыло, другая – принялась расчесывать ее прекрасные волосы. Прислуга одаривала Дивину комплиментами, восхищаясь, как и прежде, ее красотой. Молодая женщина тепло благодарила их. Она понимала – так они хотели поддержать ее. Служанки догадывались о странных отношениях между госпожой и господином. Любая бы приуныла от такого. Поэтому, они делали, что могли – поддерживали Дивину добрыми, искренними словами.

Вскоре, госпожа была готова к завтраку. В этот раз на ней было платье из белоснежного шелка. Его рукава, расширенные книзу, красиво струились, и чем-то напоминали крылья прекрасной птицы. Дивина застегнула на талии узкий пояс из золотой нити. От других украшений молодая женщина отказалась, чем заслужила настороженные взгляды служанок – те знали, что хозяин буквально требовал, чтобы госпожа увешивала себя роскошными украшениями.

– Устала, – кратко пояснила Дивина, спешно покидая спальню.

Спускаясь по лестнице, красавица пыталась уравновесить собственные чувства – но страх, волнение, душевная усталость, соединившись в клубок, терзали ее сердце и делали женщину обеспокоенной. Если раньше эти чувства были немного приглушенными, то теперь молодая женщина остро ощущала их. И это сделало Дивину слишком торопливой и неловкой. Она поняла это лишь тогда, когда ее стопа поскользнулась на вычищенном до блеска мраморном полу, и молодая женщина упала на него, с глухим звуком и стоном, срывающимся с губ. Наученная горьким опытом, Дивина попыталась подставить руки под лицо, поэтому ладони и колени приняли весь удар на себя.

Слезы подступили к глазам и, не спрашивая разрешения, потекли по щекам красавицы. Молодая женщина знала – у нее есть еще всего пару мгновений, чтобы скорее скрыться от позора и осуждающего взгляда мужа. Но она не успела. Послышались шаги и мужские руки, как пушинку, подняли ее с пола. Взглянув на обладателя невероятно сильных рук, Дивина сжалась – это был Хунгур. Черные глаза, изучающее, скользнули по ее заплаканному лицу. Сейчас, без косметики и блестящих украшений, Дивина показалась мужчине удивительно молодой и еще более красивой. Она больше не была похожа на эфемерное создание, золотую богиню или статую. В его руках была женщина – из плоти и крови. Под своими пальцами Хунгур ощущал ее мягкое тело, теплое и невероятно соблазнительное. Волна желания нахлынула на воина. Что же, это была нормальная реакция здорового мужчины на прикосновение к красивой женщине. Ничего больше.

– Идти можешь? – спросил он, желая как можно скорее избавиться от слишком опасного груза. Дивина подняла на него глаза, и Хунгур на короткое мгновение перестал дышать, пораженный увиденной красотой. Ее глаза были прекрасными и необычными – влажные от слез, словно умытая утренней росой трава, что была на северных лугах. Она смотрела недолго, но мужчина успел отметить, каким напуганным, уязвимым был взгляд женщины.

– Да, спасибо, – выдохнула женщина.

Хунгур поставил ее на ноги и пошел вперед, не оглядываясь. Как только он скрылся, Дивина оглядела свое платье – оно было совсем немного помятым, но, к счастью, падение не разбило колени, а значит, крови на белоснежном шелке не обнаружилось. Зато была боль. Пульсирующая. Стиснув зубы, молодая женщина очень медленно пошла в сторону зала, где был накрыт стол для завтрака.

У распахнутых дверей Дивина чуть приостановилась и выпрямила спину. Молодая женщина шагнула внутрь, и тут же заметила на себе недовольный взгляд мужа. Завидев ее, Мариус прервал беседу с Хунгуром. Он кивнул на стул, приготовленный для жены и, когда та села на него, задал вопрос:

– Что задержало тебя, дорогая?

Дивина окинула быстрым взглядом сидящего рядом с мужем Хунгура – мужчина даже не смотрел на нее. Все его внимание, казалось, было приковано к открывавшимся из окна, картинам цветущего сада.

– Я поскользнулась, – глухо, стыдясь себя, честно ответила молодая женщина.

Мариус, не сдержавшись, нахмурил свои светлые брови.

– Дивина, – выдохнул он, – это уже, вероятно, тридцатый раз. Ведешь себя, как ребенок! Хорошо, платье не испортила.

Она кивнула в ответ, лицо ее стало розовым от унижения и еще от того, что свидетелем их беседы был друг мужа. Но, казалось, тот не заметил высказывания Мариуса. Хунгур продолжил медленно вкушать блюда и о чем-то негромко беседовать с хозяином дома.

Прислуга наполнила кубок Дивины чистой водой. Молодая женщина с легкой улыбкой поблагодарила служанку и принялась за завтрак. Она старалась не смотреть на мужа и его собеседника. Ей хотелось поскорее закончить с едой и скрыться в своей спальне. Женщина ощущала себя уставшей. Слишком уставшей. Эта усталость становилась все сильнее и сильнее, отнимая остатки сил и желания жить.

– Предлагаю тебе немного отдохнуть, – с улыбкой, обратился к темноволосому мужчине хозяин дома. – Ты знаешь, здесь у нас сохранились римские термы. Я частенько отдыхаю там и развлекаюсь. Все – таки римляне умели делать хорошие вещи.

– Звучит заманчиво, – Хунгур вежливо улыбнулся собеседнику, откидываясь на спинку стула.

Мариус бросил на жену сияющий взгляд и произнес:

– А ты, дорогая, присоединишься к нам?

Хунгур чуть нахмурился и заметил, как побелели вцепившиеся с силой в кубок с водой, тонкие пальцы Дивины. Она потрясенно смотрела на мужа, силясь найти ответ. Кровь застучала в ее ушах. Если она откажется... чем это грозит ей?

Возникшую тишину нарушил властный голос Хунгура:

– При всем моем уважении, Мариус, я хотел бы отдохнуть без женского общества.

Хозяин дома принял ответ друга, произнося:

– Ну что же, как пожелает мой дорогой гость.

Римские термы выглядели роскошно – выполненные из отполированных мраморных плит, с открытым бассейном с холодной водой и другими помещениями, в которых была различная температура воздуха, они были прекрасным местом для отдыха. Чисто мужского отдыха. Дивина ни разу не была здесь, и она прекрасно догадывалась, как и чем занимался ее муж и его частые гости.

Сейчас же два друга, устроившись удобно на теплых каменных сиденьях, продолжили беседу о грядущей войне.

– Мне нравится твое предложение, – Мариус откинул голову назад, глядя мечтательно в высокий потолок. – К тому же, мне поднадоело быть в тени Константина. Другое дело воевать рядом с тобой, рука об руку.

– Я рад, что это так, – отозвался Хунгур, вытягивая перед собой свои смуглые, сильные ноги. Его лоб покрылся мелкими капельками пота. А тело немного расслабилось от приятного жара.

– Тогда дай мне пятнадцать дней, и я прибуду к тебе со своими людьми. Скажи только куда мне прибыть?

– Пятнадцать дней это слишком долго. Даю тебе десять, – Хунгур окинул друга задумчивым взглядом, – я и мои воины будут ждать тебя на северо-восточной границе, вблизи самой крупной реки, протекающей там.

– Я понял, где это, – Мариус кивнул головой. – Договорились.

Он протянул свою ладонь, и друг крепко сжал ее.

– Ну а теперь, когда серьезные дела улажены, можно и развлечься, надеюсь, теперь ты не будешь против женского общества, – заявил светловолосый мужчина и хлопнул в ладони.

Тут же, из соседнего помещения вышли две женщины. Они были невысокого роста, с длинными темным волосами, и персикового цвета кожей. Их глаза – карие – выражали желание угодить. Незнакомки были одеты в одежды сливового цвета, чем-то по своей форме напоминающие римские тоги.

– Ну же, дорогой друг, выбирай, они обе хороши, – улыбнулся Мариус, окидывая женщин голодным взглядом.

– Я бы предпочел более уединенное место, – заметил Хунгур, скользя оценивающим взглядом по незнакомкам. Те хихикали, взбудораженные его вниманием.

Мариус кивнул головой и рукой указал в отдаленный зал. Его друг, поднявшись на ноги, позвал с собой одну из прелестниц...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дивина окинула усталым взглядом свое отражение – увы, красные глаза выдавали состояние молодой женщины и то, что она проплакала треть дня. А ведь она должна выглядеть идеально! Но разве возможно было сдержаться, когда ее супруг предложил ей такое? Одно воспоминание об этом, и тело молодой женщины охватила дрожь. Удивительно и радостно то, что Хунгур отказался от этого. Однако, это могло быть всего лишь раз. К тому же, он уедет, а взамен придут другие. И страшные догадки, и сны начнут превращаться в ужасающую реальность. Сможет ли она выдержать? Быть может, смерть – стала бы лучшим решением и долгожданным освобождением? Стоит лишь проявить храбрость... или же, наоборот, трусость? Эти мысли напугали молодую женщину.

Желая развеяться и отвлечься, Дивина решила прогуляться перед ужином в саду – там как раз начали зацветать персиковые деревья, и все кругом становилось волшебным-прекрасным. К тому же, свежий воздух и прогулки благотворно влияют на внешний вид. Глядишь, и не будет так заметно ее унылое состояние. И, быть может, любуясь на прекрасное, что есть вокруг, она больше захочет жить и ценить свою жизнь, принимая ее со всеми невзгодами.

Вскоре, Дивина уже медленно шествовала между цветущих деревьев. В саду, кроме нее и птиц, вероятно, никого не было. Воздух был пропитан теплом и сладостью от распускающихся цветов. Поэтому молодая женщина с наслаждением восприняла эту прогулку. Она давно привыкла к одиночеству. Оно не пугало ее, но все же, иногда приносило боль и беспокойство. Особенно по ночам. Но не в этот раз. Проходя мимо распускающихся роз, Дивина наклонилась к ним и вдохнула их аромат. Необыкновенно. Она обожала розы. И вот эти, розовые розы, посадила своими руками. Правда, затем получила выговор от Мариуса, что его жене – не подобает копаться в земле. У него были свои собственные представления о том, какая у него должна быть жена. И Дивина должна была соответствовать им. Больше она не притрагивалась к земле. А так же, не имела право громко смеяться. Хотя, причин для смеха с каждым днем становилось все меньше и меньше... Были и другие пункты, которые Дивина была обязана соблюдать.

Молодая женщина, отгоняя от себя грустные мысли, подошла к стайке птиц, разместившихся возле статуи мужчины. Дивина рассыпала перед птицами мелкие зернышки, прихваченные для них. Птички начали весело щебетать и клевать угощения.

– Кушайте, а потом летите, – негромко промолвила красавица, любуясь ими, – летите, куда стремится ваша душа. Как же, наверное, хорошо быть свободными!

Хунгур, заглянувший в сад, услышал произнесенные Дивиной слова. И эти слова больно отпечатались в его сердце. Один взгляд на стоявшую впереди женщину – и он ощутил ее тоску и тщательно запрятанную грусть. Мужчина намеренно громко шагнул, и под его стопами захрустели камешки.

Дивина испуганно обернулась. Бледная, с покрасневшими глазами, она не знала, что ей делать. Женщина выглядела так, будто ее поймали на месте преступления. Где же та уверенная, холодная красавица, что встречала его вчера? Воин сделал несколько шагов вперед.

– У вас красивый сад, – максимально вежливым тоном сообщил Хунгур, оглядывая персиковые деревья и задерживая взгляд на розах и их раскрывающихся бутонах. – Какие красивые розы.

– Спасибо, – Дивина разгладила несуществующие складки на жемчужно-сером платье. – Эти розы я выбирала и сажала сама. Это было в первый год моего замужества. Я и не думала, что они приживутся, а они прижились.

«В отличие от меня», – промелькнуло у нее в голове.

Она умолкла, удивляясь своей открытостью перед совершенно чужим человеком. Мужчина кивнул головой и подошел поближе, обращая внимания на птиц.

– Это те самые птицы, что прилетают к вам по утрам? – поинтересовался он. Его губы, казалось, чуть подрагивали от сдерживаемой им улыбки.

Дивина чуть порозовела. Откуда он мог знать? Вероятно, сегодняшним утром увидел ее – растрепанную, в простой одежде на балконе.

– Да, те самые. Они прилетают ко мне уже не первый год, – ответила она, чуть больше покраснев.

Хунгур присел и раскрыл широкую, смуглую ладонь, на поверхности которой оказалось несколько зернышек. Он протянул руку вперед, и, к удивлению и некоему восхищению Дивины, пара птичек смело забралась на его ладонь, приступая к трапезе.

Мужчина обернулся и посмотрел на молодую женщину странным взглядом.

– Вижу, вы удивлены, – усмехнулся он. Дивина кивнула головой:

– Так и есть.

– Почему же? – Хунгур поднялся на ноги и теперь стоял рядом с ней, возвышаясь. В глубинах черных глаз полыхали маленькие огоньки.

– Потому... что я вас боюсь, а вот птички – нет, – честно призналась она.

Холодная и одновременно чувственная – бывает же такое сочетание – улыбка изогнула жестко очерченные губы мужчины. Дивина еще больше смутилась, когда Хунгур чуть наклонился вперед, при этом сохраняя между ними расстояние, и сказал, предостерегая и дразня:

– И правильно делаешь, Дивина.

Голос его был грубоватым, с нотками, в которых чувствовалось желание подчинять и обладать. Молодая женщина порывисто отвернулась и поспешила дальше в сад, желая скрыться как можно дальше от гостя. Что за странный, страшный и совершенно непонятный человек!

Первыми мыслями Хунгура, как настоящего охотника и завоевателя, было догнать уходящую женщину. Но мужчина подавил свой порыв. Он резко отвернулся, злясь на себя. Желание – сладкое и томящееся, охватило его сильное тело. Будто он не провел четверть дня в плотских утехах с темноволосой женщиной! Но достаточно было лишь одного взгляда на Дивину, как страсть нахлынула с удвоенной силой. Удивительно, что его друг, имея такую роскошную жену, предпочел ей обычную женщину, которая хоть и обладала приятной внешностью, не шла ни в какое сравнение с Дивиной.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ужин, проходящий без каких-либо неприятностей, подходил к своему завершению. Настроение Мариуса было приподнятым, и он не заметил состояния жены. Чему Дивина была несказанно рада. Она относительно спокойно поела и теперь ждала, когда можно будет вернуться к себе. Будь ее воля, женщина сделала бы это, как только проглотила последний кусочек еды.

Но мужчины – Мариус, Хунгур и его воины, не торопились вставать из-за стола. Они беседовали, смеялись. А некоторые, кроме хозяина дома и его друга, – нет-нет, да и бросали украдкой взоры на Дивину. Мариус замечал это, и самодовольная улыбка изгибала его губы.

Наконец, все же, решено было покинуть зал и разойтись по комнатам – из разговора мужчин молодая женщина поняла, что на рассвете гости покинут их. Это была долгожданная и одновременно, отчего – то удручающая новость. Словно Дивина лишалась некоего покровительства. Она удивилась собственным размышлениям.

Ей не терпелось поскорее подняться к себе и принять расслабляющую ванну с лепестками роз. Потом она, укутавшись в воздушное одеяло, выйдет на балкон и полюбуется звездами. Но сперва, убедится, что за ней никто не наблюдает. Да, это будет хорошее завершение сегодняшнего дня. Дивина, предвкушая желанное одиночество, даже улыбнулась. Однако ее планам не суждено было сбыться.

– Дивина, милая моя, – обратился, подойдя к ней, Мариус. Он подался вперед и легонько коснулся губами ее губ. Молодая женщина сомкнула веки, не желая, чтобы кто-либо видел, что она ощущает. Страх. Унижение. Отголоски отвращения.

– Я совсем забыл показать нашему гостю библиотеку. Окажи ему честь – сопроводи его и познакомь с трудами великих ученых. Я подойду чуть позже.

Дивина побелела от услышанного. К чему Мариус подводит ее? Или, может, он абсолютно доверяет своему другу, и в просьбе показать ему библиотеку, нет ничего крамольного? Ей оставалось лишь кивнуть головой и выполнить просьбу-приказ своего мужа.

– Прошу, – негромко промолвила Дивина, распахивая высокие двери библиотеки и пропуская гостя вперед. Она умело зажгла несколько масляных светильников, и комната наполнилась их приглушенным светом.

Хунгур шагнул в помещение, окидывая его задумчивым, спокойным взглядом. От потолка до пола шли каменные полки, заставленные книгами в деревянных и кожаных переплетах. Так же, тут имелись небольшие корзинки со свернутыми и аккуратно расставленными в них свитками. С обеих сторон от полок расположились кушетки – видимо, предназначенные для особого, удобного получения знаний. У противоположной стены находилось окно – оно было плотно закрыто.

– Ты прочла все книги, что здесь? – произнес Хунгур, подходя к одной из полок и медленно скользя пальцами по корешкам книг.

Дивина вскинула голову – она была удивлена, что мужчина обращался к ней на «ты». Как быстро воин перешел ее личные границы! Совладав с чувствами, женщина негромко ответила:

– Нет, но треть или чуть больше, думаю, прочла.

Она отошла к противоположным полкам от мужчины, чуть отворачиваясь от него. Их уединение пугало и волновало Дивину. Тени от их тел, освещенные масляными лампами, причудливо передвигались по стенам вслед за ними.

Ее тело было напряжено. Хунгур не только видел это, но словно чуткий хищник, ощущал это. Так же он чувствовал ее волнение и подкрадывающийся страх. Она часто дышала, ее руки дрожали, а глаза избегали смотреть на него. Мужчина полуобернулся, проходясь взглядом по Дивине – по ее распущенным, шелковистым волосам, по нежному изгибу шеи, по соблазни-

тельной линии груди, по плавным округлостям бедер... Волна вожделения подкатила к Хунгуру, и он ощутил злость – на себя, на эту манящую женщину, и на ее мужа, беспечно позволившего красавице-жене быть наедине с чужим мужчиной. Неужели Мариус наивно полагал, что физическая разрядка, которую Хунгур получил сегодня днем с одной из женщин, делает его менее опасным?

– Какая из книг твоя самая любимая? – мужчина приблизился к Дивине, при этом сохранив между ними достаточное расстояние. Женщина вздрогнула, его приближение, и невинно заданный вопрос еще больше разволновали ее. Она посмотрела на Хунгура – в мягком свете масляных ламп, его лицо не казалось уже столь жестоким. Однако глаза – черные, властные, были полны предупреждения об опасности. Молодая женщина повернула голову, внимательно разглядывая стоящие на полке книги.

– Возможно, это может показаться вам странным, – немного взволнованным голосом начала она, – но я очень люблю читать «Одиссею» Гомера.

– И что же особенно понравилось? – Хунгур провел рукой рядом с книгами, на которых покоилась нежная ладонь Дивины. Та сразу же одернула ее, отступая назад.

– Пенелопа, – прошептали полные губы красавицы. Она прижалась спиной к книгам, ощущая себя загнанной в ловушку.

Мужчина улыбнулся. Его пальцы чуть не коснулись лица Дивины, когда извлекли с полок одну из книг.

– А как на счет «Иллиады»?

– Печальная история великого народа, – женщина уловила изучающий взгляд Хунгура. Он сощурил глаза, и его губы изогнулись в холодной улыбке. Кажется, воин был доволен ее ответом.

– А что ты думаешь по поводу Елены Прекрасной – двоюродной сестры Пенелопы? – задал Хунгур очередной вопрос.

Надо же. Этот воинственный мужчина знал эти произведения Гомера. На мгновение, Дивина сомкнула веки, собираясь с мыслями и смелостью. Она ведь не привыкла открыто говорить, что думает и чувствует.

– Несчастливая, красивая женщина, игрушка, в руках мужчин, ставшая лишь поводом для разжигания войны, – с болью в голосе, ответила Дивина.

– Ты сочувствуешь ей? – Хунгур поставил книгу на место, слегка коснувшись волос молодой женщины. Они были необычайно мягкими, нежными. Он тут же невольно представил, как хорошо было бы запустить в них пальцы рук, немного оттянуть голову красавицы назад, и впиться в ее рот изучающим, медленным поцелуем...

– Я понимаю ее, – отозвалась Дивина, переходя на противоположную сторону комнаты. Она словно убегала от гостя. Хотя, это действительно было так. Молодая женщина пыталась находиться как можно дальше от мужчины. Но это не останавливало его. Нет, он не собирался целовать ее или же принуждать к чему то, воспользовавшись уединением. Соблазн, безусловно, был велик. Но дружба имела вес для Хунгура более значимый, нежели влечение к какой-то женщине. В конце концов, в мире найдется немало других прелестниц, пусть не столь чудесных, как Дивина...

Мужчина подошел чуть ближе и улыбнулся – многозначительно и самоуверенно.

– Когда вы с Мариусом приедете ко мне в гости, моя библиотека будет в твоём распоряжении, – сообщил Хунгур, не без удовольствия отмечая, как смутилась молодая женщина от его слов.

– В гости? – повторила она. В ее голосе были слышны нотки отчаяния.

– Да, – мужчина кивнул головой, – мы заключили с твоим мужем соглашение. Впереди нас ждет много общих дел.

– И эти дела никак не торговля? – догадалась Дивина, пытаясь осмыслить, насколько теперь может измениться ее жизнь.

– Ты ведь слышала, с чем я пришел к Мариусу – и он согласился встать под знамена войны, – в голосе Хунгура явно слышались металлические нотки, а взгляд стал нечитаемым.

– Война, – Дивина печально улыбнулась.

– Война, – повторил мужчина и улыбнулся хищно. Глаза его зловеще блеснули.

– Мне страшно, – отчего-то, не сдержавшись, произнесла молодая женщина.

– Чего же ты боишься? – Хунгур инстинктивно подался вперед, чтобы защитить, этим действием зажимая Дивину между полками с книгами и своим телом. Она задрожала, испуганная его близостью, его силой – пожелай он, мужчина бы, наверное, переломал ей все кости, примени хоть каплю своей мощи.

– Хунгур, – Дивина впервые назвала его по имени, и мужчине понравилось, как оно звучит на ее устах, – отойдите от меня, прошу вас. Не ставьте меня в неловкое положение.

Мужчина отпрянул назад, удивляясь себе, что позволил так близко приблизиться к чужой женщине. Он вел себя, как желторотый юнец, влюбившийся впервые! Но Хунгур не являлся таковым! Он был мужчиной – искушенным, опытным. Воин отвернулся, разглядывая стены и размышляя над своим опрометчивым поступком. Затем, полуобернувшись, обратился к молодой женщине – та все так же стояла, прижавшись спиной к книгам:

– Ты очень большой соблазн, и даже в святом, вероятно, вызовешь желание. Однако, я не настолько глуп, чтобы предать дружбу. Мариус доверяет мне, а я доверяю ему. Ты – всего лишь женщина, не больше.

Дивина, пораженная его честным и отчасти жестоким признанием, лишь кивнула головой. В этот момент в библиотеку, наконец, заявился хозяин дома. Он улыбался – и улыбка его была понимающей. Будто Мариус знал, как непросто быть рядом с его прекрасной женой. Он подошел к ней и провел рукой по волосам. Дивина опустила голову, пряча свои глаза ото всех. Ей было стыдно. Ей было больно.

– Иди спать, дорогая, – произнес Мариус, целуя ее в губы легким поцелуем.

Молодая женщина, избегая смотреть на одного из мужчин, спешно покинула библиотеку...

Дивина уставилась в высокий потолок – сверху на нее смотрел розовощекий, пухлый Купидон. Лицо нарисованного любовного озорника раздражало молодую женщину – ей казалось, тот словно ухмыляется над ней. Она тяжело вздохнула, поворачиваясь на правый бок. Желанный сон не шел к ней, хотя она была утомлена. Красавица снова и снова возвращалась своими мыслями к разговору с Хунгуром, прокручивая в своей голове картинки – о том, как говорила с ним, о том, как он смотрел на нее. Затем, молодая женщина попыталась найти причину столь внезапно проявляющейся «нежности» мужа. Мариус ведь давно ее не целовал. Очень давно. Почему же такие перемены?

Все стало меняться – странным и пугающим образом – с появлением темноволосого гостя. Скорее бы Хунгур и его воины покинули дом...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дивина проснулась удивительно поздно – за окном был полдень. Она спешно спустилась с кровати и подошла к окну – внимание ее привлекли мужские голоса – неужели гости еще здесь? Однако молодая женщина увидела своего мужа, верхом на черном коне в сопровождении своей охраны, покидавшего имение. Куда Мариус собрался? И как же хорошо, что он уехал.

В комнату постучали – это обеспокоенные самочувствием госпожи, давали о себе знать служанки. Дивина впустила их, позволив им привести себя в порядок.

– Как вы долго спали, госпожа, и пропустили уезд того красавца, – прислуга вздохнула, проводя щеткой по волосам молодой женщины.

– О ком это ты? Кто-то еще приезжал? – спросила Дивина.

– Ну как же, – служанка с улыбкой посмотрела на госпожу, – друг вашего мужа! Каков красавец! Сильный, властный, а какой взгляд... Жаль, на рассвете уехал. Вот он бы не прошел мимо вас, и каждую ночь согревал.

Молодая женщина покраснела и опустила взор вниз, опасаясь выдать собственные чувства, которые она прятала ото всех, в том числе и от самой себя.

– А куда отправился мой муж? – спросила Дивина, желая скорее сменить тему разговора.

– Я точно не знаю, но поговаривают, что к самому правителю.

Дивина задумалась и нахмурилась – что нужно было Мариусу у Константина? Она ощутила тревогу. Однако, вскоре тревога сменилась радостным осознанием, что у нее есть время отдохнуть и порадоваться предоставленной свободой. Пусть временной и неполной, но все же, свободой!

Все последующие три дня Дивина провела, наслаждаясь одиночеством и отсутствием мужа – она не носила украшения, не пудрилась, с удовольствием вкушала различные, выбранные ей самой, а не мужем, блюда. Мариус всегда сам решал, что можно было ей есть – он не желал, чтобы его прекрасная жена прибавила в весе. Она должна была оставаться идеальной. Всегда.

Так что, пока хозяин дома отсутствовал, Дивина могла немного расслабиться. Пару раз, заглянув на кухню и послушав историю из молодости кухарки, молодая женщина даже от души посмеялась. Это было таким счастьем. Быть настоящей – не стесняясь себя и своих чувств. Хотя бы немного, пока Мариуса не было дома. Она так же успела несколько раз помесить тесто и испечь несколько пирогов, а потом съесть их, разделив со своими служанками.

Но перед сном, лежа в своей просторной и одинокой кровати, Дивина вспоминала разговор с Хунгуром. Она вновь видела его черные, властные глаза и словно слышала его мужественный голос. Почему он спросил у нее про Елену из Спарты? Что мужчина имел в виду? Что он этим хотел сказать ей? Или он намекал на что-то?

Дивина могла лишь догадываться... Промучившись полночи от своих размышлений, она заснула, и в беспокойно сне ее повсюду преследовали черные глаза Хунгура.

На исходе пятого дня Хунгур вернулся на границы своих земель. Там, раскинув лагерь, его ожидало часть разделенного им же войска. Это был его народ – десятки тысяч доблестных мужчин, желавших изменить собственную жизнь. Хунгур же был их предводителем. Устав от натиска римской империи, от беззакония, а после – от раздираемых землю и людей междоусобных войн, воины и простые люди принесли верность новому лидеру северо-восточных земель. Лидеру, которого все так долго ждали.

Несмотря на то, что Хунгур и Мариус были с одного племени, последний, вместе со своими родителями, перебрался на юго-запад, где и обосновался. Накопленные богатства отца помогли Мариусу преуспеть в торговле и в некоторых других делах. Он был знатен и богат, но уже совсем далек от своей родной земли – помыслами, обычаями и взглядом на жизнь. Мариус впитал в себя прежнюю роскошь римлянин, и позволил своему характеру вобрать в себя любовь к неге, расточительству и другим не слишком благородным качествам, особенно для мужчины. Но в другом же, он был хорошим другом – щедрым, внимательным, открытым и беззлобным. Теперь Мариус являлся не только другом, но и соратником Хунгура. Он не отказал ему, а намерен был встать под его знамена. И это многое значило для воителя.

– Хунгур, – от костра, дым которого тянулся до самого неба, к нему спешно приблизились его двоюродные братья – Арнас и Казмер, молодые мужчины. Они, приостановившись, почтительно ожидали, когда тот обратит на них внимание.

Хунгур натянул поводья своего резвого коня и тот замедлил шаг, вскоре остановившись возле Арнаса и Казмера. Братья опасливо поглядывали на фыркающую морду животного – последний отличался буйным нравом и мог укусить тех, кто его раздражал.

– Какие новости? – спросил темноволосый мужчина.

– Никаких происшествий. Еще один отряд прибыл с запада. И ваша мать прибыла, – ответил Казмер. Хунгур нахмурил черные брови – ведь он просил не приезжать ее сюда.

– Вероятно, она приехала не одна, а со своей сестрой – вашей матерью? – догадался воитель.

– Да, они в синем шатре, – виноватым голосом отозвался Арнас.

Хунгур кивнул головой и направил коня в сторону синего шатра.

Полог шатра откинулся, и внутрь, решительной походкой, зашел Хунгур. Две женщины, сидевшие возле горящего очага, подскочили на ноги, увидев долгожданного родственника.

– Хунгур, – первой, распростерев свои маленькие объятия, к нему подошла его мать – Илдико – невысокая, темноволосая женщина, одетая в синий шелк. – Мой сын.

Она обняла Хунгура и услышала над своей головой его грозный голос:

– Когда я просил оставаться вас дома, это значило, что не нужно было приезжать.

Илдико чуть отстранилась, окидывая сына внимательным взглядом:

– Ты злишься, Хунгур, и так похож своего на отца. Прости, но мне было слишком тоскливо без тебя. Я беспокоилась о тебе.

– Дорога могла быть небезопасной, – сверкнув глазами, ответил мужчина. Его мать понимающе кивнула головой, мысленно отмечая, какое усталое и не улыбочливое лицо у ее сына. Власть – нелегкое бремя. Однако еще что-то, вероятно в глубине его черных глаз, привлекло внимание Илдико и она озвучила шепотом свой вопрос:

– Ты приехал с женщиной? Я вижу – твои глаза изменились.

– Ты ошиблась, – сжав зубы, от нахлынувшей на себя злости, приглушенно ответил Хунгур, – в ближайшие годы я не собираюсь тратить свои силы и время на то, что незначительно для меня.

– Жаль, – тихо ответила Илдико.

– А мне – нет, – широко улыбнувшись, сообщил Хунгур, затем его взгляд перешел на другую женщину – тетку, – Бернадетт!

Женщина, являющаяся старшей сестрой Илдико, улыбнулась и подошла поближе, дабы поприветствовать племянника. Его грозный взгляд немного напугал ее, однако нужно было привыкать к нему такому – он уже не был маленьким мальчиком. Бернадетт была похожа на свою сестру, только была чуть полнее ее и немного выше.

Хунгур недолго побеседовал с ними, а на прощание приказал более не своевольничать и находиться в шатре и только рядом с ним.

Утомленный, воитель вернулся в свой шатер. Мужчина растянулся на шкуре медведя. Этого зверя он убил один в пятнадцать лет. Никто не верил, что Хунгур вернется уцелевшим. А он вернулся, да еще со шкурой. Тогда покойный отец сообщил сыну наедине, что верит, что тот станет лидером их народа и приведет его к благополучию. Его слова уже начали сбываться...

Смежив веки, мужчина тут же увидел в своем воображении красивое, светлое лицо Дивины. Он словно ощутил ее личный аромат, который ему довелось почувствовать в библиотеке, когда он, Хунгур, зажал женщину между своим телом и книгами. Нежный аромат ее кожи, а волосы ее пахли сладко – розами... Мужчина вспомнил выражение ее глаз. Эта близость напугала ее. Но она вела себя достойно и честно...

Воитель недовольно вздохнул – ну что он за глупец! Будто не знает, сколько ролей может сыграть женщина – и Дивина наверняка не была исключением! Сегодня она словно невинная дева, а завтра будет искушенной гетерой... Довольно вспоминать о ней! Он никому не позволит лезть слишком глубоко в его душу, сердце или разум – матери ли, брату, другу или прекрасной женщине. Никогда не позволит.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мариус вернулся через четыре дня, и не один, а с приличным войском, выделенным ему, вероятно, Константином. Дивина не могла точно знать об этом. Прибывший муж, лицо которого выражало усталость и некое волнение, потребовал, чтобы она собрала все свои самые лучшие наряды и украшения с собой в дорогу, а так же позволил взять служанок – чтобы они всегда могли поддерживать идеальный внешний вид своей госпожи.

Уже на закате дня процессия из десятков слуг спешно грузила вещи своей госпожи в крытые повозки – со стороны это выглядело так, будто Дивина навсегда покидает этот дом. Одна из таких повозок стала местом передвижения и для нее – она разместилась там, удобно устроившись посреди обилия подушек. Однако, ни удобство, ни первая поездка за эти долгие шесть лет, не воодушевляли Дивину. Она была напугана. Насторожена. Напряжена.

Они ведь отправлялись не в гости к родственникам, а на войну. И это вызывало тошнотворный страх. В памяти услужливо всплывали рассказы, поведенные родителями. Хотя, они, конечно, не вдавались во все подробности, и повествование их не содержало ужасающих фактов, однако и услышанного от них, было довольно для Дивины. И теперь, она отправлялась вместе со своим мужем на войну...

Путешествие, казалось, длилось бесконечно. Сидя в своей повозке, Дивина томилась от скуки. Но, памятуя, с кем ей вновь предстоит встретиться, женщина стала представлять, как вести себя рядом с человеком, который безумно пугал ее и одновременно, что таить, тянул к себе.

Размышляя, Дивина решила ни в коем случае не оставаться с Хунгуром наедине, а так же попытаться молчать в его присутствии и, если это будет ей по силам, не замечать мужчину. Последнее было, вероятно, самым трудным, потому что не только ее тело, но, казалось, и душа остро реагировали на Хунгура.

Затем молодая женщина предалась воспоминаниям о своей семье – о матери и об отце. Она скучала по ним, и сердце ее томилось от тоски и горького незнания – живы ли они. Мариус не позволял ей видеться с ними и даже слать вести им. Ее родители – добрые и простые – являлись примером отношений для Дивины. Они посадили в ней семена нежности, доброты, честности и благородства. И красавица, выросшая в родных стенах, считала, что другие люди – такие же хорошие, как ее мать и отец. Она думала, что Мариус будет так же нежен к ней, как ее папа к маме. Что муж будет любить ее, проводить с ней все ночи, и желать ребенка от нее... Но Дивина ошиблась. А когда осознала свою ошибку, поняла, что слишком поздно что-либо менять. Она не знала, куда возвращаться, а если бы все же знала и имела возможность, не смогла – вероятно, стыд перед родителями не позволил ей это сделать.

На восьмой день поездки караван из войска, телег и немногочисленных слуг, наконец, прибыл на место. Дивина, уже переодетая в новое, блестящее платье из ярко-зеленого шелка, с волосами – тщательно расчесанными руками служанок и собранными на затылке и укрепленными золотой заколкой, ожидала, когда за ней придет ее муж. Она волновалась. Ладони ее стали ледяными, а тело сотрясала мелкая дрожь. Еще немного – и она увидит того пугающего ее мужчину. Мужчину, который был другом ее мужа. Мужчину, который столь разительно отличался от него. Сильный. Властный. Мужественный. Страстный. Дивина была уверена, что под суровым обликом Хунгура скрыта страстная натура. Откуда такая уверенность – молодая женщина не могла точно знать. Она просто чувствовала Хунгура. Впервые в жизни, Дивина ощущала столь остро, столь ярко другого человека. От мыслей, что были о черноглазом воине, красавица ощутила жар во всем теле.

– Как душно, – промолвила она.

– Уж не заболели вы, госпожа? – участливо поинтересовалась одна из ее служанок, аккуратно ощупывая лоб молодой женщины – он был прохладным. Прислуга хотела было предложить сделать для Дивины успокоительный настой, но в этот момент полог повозки открылся, и показалось улыбающееся лицо Мариуса. Сперва, он окинул жену оценивающим взглядом. Идеальна ли она? Удовлетворенный увиденным, мужчина галантно помог ей выбраться из повозки.

Их уже, конечно, ждали – две женщины – очень похожие друг на друга, как, впрочем, и двое молодых мужчин – было видно, что они все-родственники друг другу. Среди них выделялся лишь один человек – высокий, широкоплечий воин – его черные глаза, бросив на Дивину один холодный взгляд, переместились на друга.

– С приездом! – поприветствовал Хунгур прибывших. Он крепко приобнял Мариуса, отчего тот скривил лицо (видимо объятия были чересчур крепкими), затем кивнул головой прекрасной женщине, говоря равнодушно:

– Дивина, мое почтение.

Она робко кивнула в ответ. Дивина успела расслышать холод в голосе воителя. Не успела молодая женщина ничего понять, как ее тут же начали знакомить с матерью и теткой Хунгура, а так же с сыновьями последней – Арнасом и Казмером. Два брата потеряли дар речи, в открытую любясь женой Мариуса. Заметив это, Бернадетт недовольно зацокала языком. Гости последовали за воителем. Пока Дивина шла, она успела оценить немалые размеры раскинувшегося на поле, военного лагеря. По правую сторону от него начинался густой лес, чуть подальше – слева – виднелись воды реки.

– Прошу, – Хунгур кивнул в сторону просторного светлого шатра, разместившегося в небольшом отдалении от других шатров.

Это было уютное временное жилище. Здесь было светло, тепло и чисто. Пол был выстлан шкурами, в центре располагался, вероятно, очаг небольшого размера. На самом куполе шатра, в середине находилось отверстие для выхода дыма.

Дивина осматривалась по сторонам, пока два друга, отойдя в сторону, вели беседу. Ей здесь нравилось. Но единственное, что огорчало женщину – то, что ей придется спать с мужем под одним одеялом. Она ощутила накатывающую на нее тошноту и поспешила выйти наружу, боясь, что ее вырвет. Слишком погруженная в свои ощущения, Дивина не заметила, сколько внимания она привлекла одним своим появлением. Проходящие мимо воины, остановились как вкопанные, разглядывая красавицу. Следом за ними замерли другие мужчины, шедшие к ручью. Вскоре, их было уже около пятидесяти. Но Дивина, уставившись в носки своих шелковых туфель, совершенно не замечала их. Ей было плохо. Страх подкатил к ней, мешая дышать и спокойно мыслить.

– Да куда же она могла деться? – послышался немного раздраженный голос Мариуса.

– Не думаю, что она ушла далеко. Вероятно, просто выбралась подышать воздухом, – уверенным, спокойным тоном ответил Хунгур.

Через мгновение оба друга вышли наружу. Их глазам предстала картина – Дивина, опустившая голову вниз, и десятки голодных, очарованных женщиной пар глаз воинов.

– Дорогая, – нарочито мягким голосом обратился к ней Мариус. Та вздрогнула, и встретила с ним взглядом, – Больше так никогда не делай. Я испугался за тебя.

Дивина кивнула головой и спешно вернулась в шатер.

Хунгур, лишь нахмурившись и посмотрев немигающим взглядом на своих воинов, тут же дал им понять, что к этому шатру нельзя приближаться. Мужчины торопливо скрылись с глаз воителя, опасаясь быть наказанными им. Не стоило злить их лидера, ведь в своей ярости и злости он был беспощаден.

Дивина провела весь день, окруженная своими служанками и сундуками. Мариус покинул ее вскоре после того, как ушел Хунгур. Прислуга весело болтала – восхищаясь здешними

крупными и сильными мужчинами – такие на родной земле давно не рождались. Одна из служанок даже мечтательно заявила, что обрела надежду, что найдет среди этих воинов себе мужа. В общем, приезд, радовал этих двух женщин. Дивина улыбалась им, кивала головой, но сама с ужасом ожидала приближение ночи. Как только стемнело, она искупалась в деревянной бадье, и, переодевшись в длинную, до самых пят, любимую сорочку, отправила своих служанок в соседний, для прислуги, шатер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.